

Оглавление

Предисловие.....	4
Введение.....	8
Глава I. Императрица как историк: Екатерина II.....	26
1. Просветительские идеи исторической концепции Екатерины II.....	26
2. Конкретные исторические разыскания.....	32
Глава II. Академическая традиция.....	50
1. Герард Фридрих Миллер.....	50
2. Август Людвиг Шлёцер.....	77
Глава III. От истории региональной к истории России.....	108
Петр Иванович Рычков.....	108
Глава IV. От российской литературы к истории России.....	125
Александр Петрович Сумароков.....	125
Глава V. Литература как средство познания новейшей истории.....	163
Денис Иванович Фонвизин.....	163
Глава VI. Исторические источники и нравственные начала — основы изучения истории.....	187
Николай Иванович Новиков.....	187
Глава VII. Литературные начала в исторических разысканиях.....	229
Федор Александрович Эмин.....	229
Глава VIII. Аналитическое системное исследование.....	250
1. Михаил Михайлович Щербатов.....	250
2. М. М. Щербатов переводит «Естественную политику» П. Гольбаха.....	317
3. Тома 4–7 «Истории Российской» М. М. Щербатова.....	329
4. Дворянство в древности и современное: заочная дискуссия М. М. Щербатова и Екатерины II.....	384
5. Явная и тайная история России Нового времени.....	391
6. «О повреждении нравов в России».....	404
Глава IX. Западная Россия конца XVIII — начала XIX в.....	416
1. Пьер-Шарль Левек.....	416
2. Николая Габриель Леклерк.....	461
Глава X. Исследовательские альтернативы 1780-х годов.....	471
1. Семен Ефимович Десницкий.....	471
2. Иван Никитич Болтин.....	475
Глава XI. Новые опыты исторических разысканий.....	484
1. Михаил Матвеевич Херасков.....	484
2. Иван Михайлович Стриттер.....	486
3. Иван Перфильевич Елагин.....	488
4. Август Людвиг Шлёцер.....	496
5. Александр Николаевич Радищев.....	497
Заключение.....	508
Литература.....	518
Список сокращений.....	539

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя книга хронологически и содержательно продолжает монографию автора этих строк «М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России», но содержит анализ истории российской исторической науки в более поздний период. Поэтому следует кратко отметить принципы, которыми руководствовался автор при работе и над данной книгой.

История — такая же сложная в своем содержании наука, как естественнонаучные дисциплины. На современном уровне исследовательский процесс в ней заключается в максимально полном привлечении множественных видов исторических источников. Они должны быть историко-ведчески изучены для определения степени достоверности их информации. Только после критического анализа возможно их использование в исследовании исторических и историографических фактов в их сложной структуре. На их основе с использованием системно-структурного и генетического анализа возможно синхронное и диахронное изучение исторических процессов. В результате такого исследования историк, в соответствии с концепцией Г. Ф. В. Гегеля, приближается к познанию объективной истины.

Вместе с тем историк постоянно находился и находится в центре воздействия нескольких факторов внеисторического происхождения — социально-экономического и политического положения в стране, исторических, политических и философских теорий, уровня профессиональной подготовки автора.

Несколько поколений историков накапливали наблюдения над фактами и процессами, происходившими в период становления и развития российской исторической науки, в частности, второй половины XVIII в. Предшествующий опыт историографического анализа был обобщен сторонником славянофильской теории К. Н. Бестужевым-Рюминым в эпоху преобладания философской концепции позитивизма. В его труде «Биографии и характеристики» преобладающее значение имели факты личной жизни историков, их

конкретные исторические наблюдения [*Бестужев-Рюмин К. Н.* 1882]. В конце XIX — начале XX в., когда распространились идеи экономических теорий, марксизма, модерна с его стремлением к преобразованию действительности, к переменным значениям и абсолютизации частного, В. О. Ключевский конкретно определил идейные направления в российской историографии второй половины XVIII в. По его мнению, западники того времени указывали на отсталость России, а потому ее историческое прошлое их мало интересовало. Им противостояло направление с «народно-воспитательными целями», с «задачей исторического изучения русского национального характера», «исторически сложившихся» «свойств русского народа». Такое направление называлось *люборуссы*. Они «продолжали с прежним благоговением относиться к Петру и его реформе». Другое направление, *стародумов*, считало, что «древняя Русь выработала цельную и самобытную культуру, которую предстоит изучить». Но он также анализировал конкретный научный вклад российских историков того времени в ее исследование [*Ключевский В. О.* 1959. Т. 8. С. 411–452].

По мнению П. Н. Милюкова, в XVIII в. русские историки понимали задачу исследования «очень просто и однообразно» — «в ее назидательности», но каждый из них развивал «эту тему по-своему, со свойственными его личности и времени характерными чертами». Немецкие историки определяли эту задачу, прежде всего, «как цель саму по себе, независимо от практического приложения», «основная или важнейшая цель ее — открытие истины». Но русской историографии этого столетия были свойственны «три стадии» — перевод источника, изложение источника и «исследование вопроса по источнику», «тогда как критические приемы европейской науки за весь век оставались для наших исследователей недостижимыми образцами». Но во второй половине столетия, по словам Милюкова, «вся картина меняется: «Не слава и не польза, а знание истины становится задачей историка. Место изложения все более занимает основанное на источнике исследование» [*Милюков П.* 1913. С. 107, 109, 114, 127].

В отечественной историографии советского периода официальной идеологией стал марксизм, который вследствие своего сложного системно-структурного содержания быстро трансформировался в экономический материализм, абсолютизовавший воздействие экономического фактора на исторический процесс. Столь же негативным стало директивно-идеологическое административное давление на историков, в соответствии с которым историографию как историю исторической мысли следовало разделять по сословно-партийному принципу на дворянскую, буржуазную и единственно верную марксистскую. Такое давление деформировало исследовательский процесс, но исследователи устанавливали новые факты историографии, выявляли ранее неизвестные процессы в истории исторических идей в России второй половины XVIII в. и в российской исторической науке

в целом [*Рубинштейн Н.Л.* 1941; *Черепнин Л.В.* 1957; *Пешич С.Л.* 1961. Ч. 1; 1965. Ч. 2; 1971. Ч. 3 и другие исследования]. В советской и постсоветской, уже без идеологического давления, исторической науке были изучены такие комплексные научные проблемы в российской историографии второй половины XVIII в. как деятельность кружка А. И. Мусина-Пушкина, провинциальная историография [*Козлов В.П.* 1983; 1988; 1999; *Севастьянова А.А.* 1993].

Во второй половине XX в. особое значение в общественных науках и культуре приобрел постмодернизм. Он отрицает временную и пространственную определенность, абсолютизирует относительность характеристик. Приближение к познанию сущности факта заменено в постмодернизме свободой мнения о факте без необходимых доказательств. В исторической науке также распространилось постмодернистское направление, а с ним — отрицание объективных характеристик явлений и процессов, значительная субъективность авторских суждений и самовыражение вместо научного анализа.

По темам, затронутым в монографии, содержится бесчисленное множество исторических источников и научных исследований. Поэтому пришлось ограничиться конкретно только теми из них, которые позволяют определить факторы, прямо или опосредованно влиявшие на формирование общественно-политических и исторических взглядов историков второй половины XVIII в., на «стиль эпохи» (*Д. С. Лихачев*), который также воздействовал на их форму и содержание. В новейшей научной литературе изучению истории общественно-политических идей в неразрывной связи с экономической, социальной и политической историей России XVIII — первой четверти XIX в. посвящены обобщающие труды [*Каменский А.Б.* 2001; *Андреева Т.В.* 2016. С. 19–60; см. там же значительную научную литературу].

В тех случаях, когда факты истории российской исторической науки ранее изучены на высоком профессиональном уровне другими исследователями и автор этих строк с методами и выводами предшественников согласен, в тексте книги изложены только полученные ими результаты.

Цитаты из исторических и историографических источников, иногда значительные по объему, — не только доказательство авторских наблюдений, но также средство передачи идей изучаемых историков и исторических источников в их словесном и стилистическом выражении. Их слова и идеи значительно ярче и выразительнее, чем позволяют возможности академического исследования. К тому же в новейший период отечественной истории эти сокровища национального интеллектуального богатства страны оказались основательно забыты.

Историографические введения к конкретному изучению научного наследия историков второй половины XVIII в. находятся в главах, им посвященных. Основное содержание этих глав — анализ их разысканий, которые на-

Предисловие

капливали опыт в исследовании конкретных исторических фактов, а также воздействия на их работы философских, общественно-политических и исторических теорий. Их опыт был позднее обобщен и продолжен в новых исторических условиях России первой половины XIX в. Историографическое исследование изучает историю исторической мысли как единый исследовательский процесс, в котором каждый значимый историк, а также научные теории раскрывают содержание определенных фактов исторической действительности.

Введение

Вторая половина XVIII в. являлась для России сложным в своем содержании периодом. Возможности развития ее экономики, эволюции общественных отношений ограничивала средневековая по происхождению система крепостного права и сословного строя. В таком состоянии Россия находилась на том же экономическом и социальном уровне развития, что и многие другие европейские страны. К этому времени только в Нидерландах и в Англии произошли изменения, которые освободили людей третьего сословия от средневековых пут. Формирование рынка рабочей силы способствовало быстрым темпам экономического и социального развития, особенно в Великобритании, замене мануфактурного производства фабрично-заводским, промышленному перевороту, который начал происходить во второй половине XVIII в. Впрочем, свободное предпринимательство принесло в этих странах быстрое обогащение владельцам капитала и массовую пролетаризацию ремесленников и крестьян, рост эксплуатации их труда. Борьба за источники сырья и рынки сбыта товаров стали основными причинами активной колониальной политики промышленно развитых стран.

В России, как и в большинстве европейских стран середины XVIII в., абсолютная власть монарха не предполагала участия народных представителей в государственном управлении. Но в экономически развитых западноевропейских странах, прежде всего в Нидерландах и Англии, буржуазия добилась своего представительства в государственных и судебных институтах. Уже в XVII в. там были сформулированы теории естественного права и общественного договора (голландский юрист Гуго Гроций (1583–1645) и английский философ Томас Гоббс (1588–1679)). Вопреки средневековым началам социального, правового и имущественного приоритета привилегированных сословий дворянства и духовенства эти теории провозгласили общественное благо, которое должно быть свойственно всем слоям лично свободных людей. Эти идеи общественного блага включил в свою концепцию новой российской государственности Петр Великий, который пытался таким образом объединить россиян в стремлении создать экономически

и военно-политически могущественную страну. Их поддержала в начальный период своего царствования Екатерина II. Они вошли в круг идей русских интеллектуалов XVIII в., хотя сторонников сильной монархической власти не удовлетворяли содержащиеся в теориях Гроция и Гоббса идеи ее ограничения договорными отношениями с народом.

В продолжение теоретического осмысления необходимых политических и социальных преобразований созданная новой культурой во Франции середины — второй половины XVIII в. концепция Просвещения утверждала необходимость цивилизации — новых, современных условий материальной жизни, коммуникаций, производства, изменения нравов, образования и культуры в целом (Ш. Л. Монтескье, Вольтер, Д. Дидро, П. А. Гольбах, Ж. Ж. Руссо, аббат Мабли и многие другие). Эта цивилизация была противопоставлена прежнему варварству средневековья. Руссо писал о суверенитете народа, о равенстве людей и свободе личности. Историческая концепция Монтескье, а также «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера установили появление характерных для современной им Франции сословных привилегий и их традиций в восходивших к раннему средневековью феодальных отношениях. Эти идеи были поддержаны и дополнены в Англии и Германии (У. Робертсон, А. Смит, Г. Т. Рейналь, И. Г. Гердер и другие) [Свердлов М. Б. 1996. С. 26–35]. Историческая концепция просветителей в экономически и социально-политически развитых западных державах ясно указывала третьему сословию цели, которые должны быть направлены на уничтожение разделения общества, чтобы народы и страны могли развиваться к современным отношениям общественного и юридического равенства, к политическим свободам, столь отличным от средневекового прошлого и его традиций в настоящем.

1750-е годы — значительное время в интеллектуальной истории России, время распространения идей Просвещения. Определить это широко распространенное понятие крайне сложно. На эту тему опубликовано бесчисленное множество работ, но относительно недавно изданный обобщающий труд «Мир Просвещения: Исторический словарь» [Ферроне В., Рош Д. 2003] так и не привел его дефиницию.

Осторожная фраза редакторов этой публикации В. Ферроне и Д. Роша — «история Просвещения сегодня предстает, главным образом, как история культуры» — позволяет предположить, что для редакторов и большого международного коллектива авторов словарных статей категории *Просвещения* и *культуры* максимально близки в своем содержании. Поэтому основной смысл *Просвещения* раскрывается ими через анализ общих понятий и представлений, через системы ценностей и идей. Метод изучения — установление их «динамической взаимосвязи» с контекстом, соотношение «дискурса и практики» [Ферроне В., Рош Д. 2003. С. 7–8]. Первым из таких общих понятий указан «космополитизм», понимаемый прежде всего как противопоставленная прежним национальным и конфессиональным

барьерам XVII в. «печать новой свободы и эмансипации личности, которая исследует мир вокруг себя, открывает в нем пространство без границ и сама становится объектом других культур» [*Фрейхоф В.* 2003. С. 33]. В качестве других общих понятий и представлений, свойственных Просвещению, указаны специально рассмотренные категории морали, счастья, свободы, терпимости, разума, равенства, цивилизации, а также реалии общественной жизни — религия, воспитание, социальные связи, академии, масонство, общественное мнение, книги, наука, путешествия и другие. Эти культурные составляющие просветительства усваивались в российском интеллектуальном слое, тогда как отсутствие развитых буржуазных социально-экономических отношений имело следствием усвоение в России идей мирного реформирования преимущественно в широкой сфере культуры, но не революционных социально-политических преобразований. К такому пути реформирования российская интеллектуальная элита была подготовлена петровскими реформами.

Петр Великий активно использовал в своей теории и практике близкие ему по содержанию и времени идеи общественного блага. Он считал русский народ таким же, как и другие народы Европы. Но России следовало усвоить достижения западноевропейских держав в науках и технике, поскольку она отстала от их уровня развития вследствие, прежде всего, особенностей исторического развития в XIII–XVII вв. и враждебной политики соседних государств [*Свердлов М. Б.* 2011. С. 146–216].

Идеология правления Елизаветы Петровны, несмотря на ее заявленную преемственность по отношению к царствованию отца, стала иной, о чем писал В. О. Ключевский: «<...> Россия живет для самой себя и должна все делать своими руками — такова была господствующая мысль того времени» [*Ключевский В. О.* 1956. Т. 8. С. 410]. Эти наблюдения Ключевского раскрыли суть политики Елизаветы Петровны в 1740-е гг., ее преемственность и отличия от содержания петровской преобразовательной активности.

Впрочем, еще при жизни Елизаветы Петровны идеям относительной самоизоляции противостояла внешнеполитическая практика России в международных союзах, включая участие в значительной по составу антипрусской коалиции (в нее входили также Австрия, Франция, Швеция, Дания и другие государства) в Семилетней войне (1756–1763). В 1750-е гг. распространялась в России просветительская концепция единства исторического процесса, подразумевавшая прогрессивное развитие самой большой страны в мире. Таких взглядов придерживались фаворит Елизаветы И. И. Шувалов и ее наследники — великокняжеская чета — Петр Федорович и Екатерина Алексеевна, будущие император Петр III и императрица Екатерина II.

Утверждению идей единства России и других европейских стран в конце правления Елизаветы Петровны способствовало приглашение

И. И. Шуваловым Вольтера в 1757 г. написать книгу о Петре Великом, разумеется, с согласия императрицы. Показательна временная связь такого предложения с российско-французскими союзными переговорами и подготовкой российских войск к началу военных действий против Пруссии [Копанев Н. А. 2009. С. 35]. Вольтер уже в том же году написал значительную часть заказанной ему книги не как сочинение о Петре, а как «Историю Российской империи при Петре Великом». Он написал о России как о стране, которая стала принадлежать к современной европейской цивилизации благодаря петровским преобразованиям. Вследствие таких событий и в петербургском императорском дворе утверждались просветительские идеи.

В елизаветинское царствование 50-х гг. предпринимались опыты реформ, удачные и неудачные, совершенные и невыполненные. Отмечаются тенденция к гуманизации жизни российского общества, появление новых представлений о чести и человеческом достоинстве [Каменский А. Б. 2001. С. 270–304; см. там же литературу].

Содержание деятельности Петра III в короткий полугодовой период его правления, после кончины Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 г. до дворцового переворота 28 июня 1762 г., определялось в научной литературе преимущественно негативно. Лишь в недавнее время появились работы, в которых общественно-политические идеи этого царствования стали характеризоваться положительно [Мыльников А. С. 2001; см. там же литературу]. И. В. Курукин отметил в этом исследовательском направлении как положительный факт иное представление о Петре III, освобожденное «от коварного обаяния “Записок” его жены-соперницы». Но недостаток таких работ, по мнению Курукина, в том, что симпатии к нему как к человеку переносились в них на его деятельность как главы государства без достаточных оснований [Курукин И. В. 2003. С. 376].

Впрочем, в литературе отмечается также тенденция перенесения негативного отношения к личности Петра III на принятые им решения как императором. По мнению А. Б. Каменского, хаотичность его реформ доказывает «отсутствие у него продуманной политической программы, не говоря уже о плане преобразований». Но, изложив указы времени правления Петра III, Каменский написал о конкретном конструктивном их содержании. По его словам, реформы «были наиболее радикальными за весь послепетровский период в истории России», «в целом они, безусловно, носили модернизационный характер и отвечали общим тенденциям развития страны». По мнению Каменского, своими законодательными актами Петр III «совершил своего рода революцию в системе социальных отношений России: в борьбе с государством дворянство одержало окончательную победу» [Каменский А. Б. 2001. С. 270–304].

Н. И. Павленко продолжил традицию негативного повествования о характере и поведении Петра III. Он кратко упомянул немногие из его указов,

но лишь для того, чтобы объяснить причину отсутствия поддержки императора дворянством [Павленко Н. И. 2006. С. 34–38].

Таким образом, при изучении истории общественно-политической и интеллектуальной среды в России середины XVIII в. необходимо рассмотреть ее содержание в краткое царствование Петра III.

Петр III Федорович, провозглашенный императором 25 декабря 1761 г., показал, что он готов учитывать просветительские принципы в своей внутренней политике. В отличие от Елизаветы Петровны, он указами, изданными уже 29 января и 7 февраля 1762 г., остановил преследование раскольников, на которое старообрядцы отвечали самосожжениями в лесных скитах, отстаивая свое право на неофициальное вероисповедание. Первый из этих указов не только разрешал раскольникам вернуться в страну из-за границы, но также постановлял, «чтоб им в содержании закона (т.е. вероисповедания. — М. С.) по их обыкновению и старопечатным книгам ни от кого возбранения не было». Как следовало из второго указа, вместо отторжения старообрядцев от российского общества Петр III начал осуществлять политику их интеграции в систему российской государственности [ПСЗ. Т. 15. № 11420, 11435]. Эта политика позднее имела следствием активное включение старообрядцев в разные виды предпринимательской деятельности.

Тогда же, 7 февраля, находясь в Сенате, Петр III объявил о ликвидации ненавистой Тайной розыскных дел канцелярии. Она занималась преследованием по делам политическим с применением жестоких пыток, при этом под следствием оказывалось множество людей оговоренных, невиновных. Решение об упразднении Тайной канцелярии было опубликовано в Манифесте 21 февраля. Ее дела передавались в Сенат, а материалы — в архив [ПСЗ. Т. 15. № 11445].

Петр III осуществил то, на что не могла решиться в свое царствование Елизавета Петровна, — он издал указ о секуляризации церковных и монастырских вотчин с живущими в них крепостными крестьянами. Такая реформа имела целью модернизировать церковную организацию, превратить ее в объединение людей, живущих духовно-религиозной жизнью и собственными трудами, а не средневековой эксплуатацией зависимого населения. В именном указе Сенату от 16 февраля 1762 г. было написано о соответствующем постановлении елизаветинской Конференции при Высочайшем дворе от 30 сентября 1757 г. В нем было указано мнение императрицы, которая «за потребно нашла монашествующих, яко сего временного жития отрекшихся, освободить от житейских и мирских попечений». Новое «узаконение» заключалось в светском управлении «архиерейскими и монастырскими вотчинами».

Петр III в своем указе от 16 февраля 1762 г. сообщал о решении осуществить намерение, сформулированное еще в царствование Елизаветы Петровны [ПСЗ. Т. 15. № 11441]. Сообщалось также о возобновлении

деятельности Коллегии экономии. Она была создана в 1726 г., при Екатерине I, для управления архиерейскими и монастырскими вотчинами, а также для сбора с них государственных податей, но в 1744 г. упразднена. Эти и другие постановления, принятые в 1757 г. Елизаветой Петровной, набожность которой была всем хорошо известна, являлись обоснованием решений, исполненных в 1762 г., уже в правление Петра III. В именном указе 21 марта 1762 г. подробно излагались практические меры по секуляризации церковных и монастырских земельных владений [ПСЗ. Т. 15. № 11481].

Для Петра III эти постановления Елизаветы Петровны и ее Конференции имели особое значение, поскольку они придавали решению нового императора авторитет предшествующего царствования. Но в российской истории указы Петра III о секуляризации церковных и монастырских земель стали завершением длительной традиции, восходившей к духовным поискам нестяжателей конца XV — первой трети XVI в., к ограничениям церковного землевладения при царях Иване Грозном и Алексее Михайловиче. В России Петр I именным указом от 31 января 1701 г. предписывал царским светским переписчикам начать опись церковных имуществ. Развивая это постановление, следующий петровский именной указ 11 марта того же года запрещал патриаршим вотчинам покупать поместные и вотчинные земли, церковным властям и монастырям — меняться с помещиками землями. Петровский именной указ 30 декабря 1701 г. устанавливал обеспечение монахов деньгами и хлебом, дабы в соответствии с идеалами древнего монашества они могли результатами своего физического труда поддерживать себя и нуждающихся. «Нынешние же монахи, — укорял указ, — <...> сами чуждые труды поядаша, и начальные монахи (т. е. монастырские власти. — М. С.) во многия роскоши впадоша<...>» [ПСЗ. Т. 4. № 1834, 1839, 1886].

В условиях Северной войны и более актуальных для страны преобразований Петр не осуществил начинания по секуляризации церковных и монастырских земельных владений. Впрочем, распространение просветительских идей в середине XVIII в. возобновило в западноевропейских державах и в России такие тенденции. Указы Петра III о секуляризации церковной и монастырской собственности соответствовали как русским идейным традициям, давней практике царского регулирования отношений земельной собственности, так и общеевропейским тенденциям в истории поземельных отношений [об истории секуляризационной реформы см.: *Комисаренко А. И.* 1990]. Эти меры способствовали продолжению процесса секуляризации общественного сознания в Новое время.

Смысл манифеста Петра III о вольности дворянской, изданного 18 февраля, обычно кратко раскрывают как освобождение дворянства от обязательной службы [в новейшей литературе см.: *Павленко Н. И.* 2006. С. 38]. По мнению А. Б. Каменского, манифест «означал решительную победу

дворянства в его борьбе с государством за обретение своих сословных прав». Он разрушил систему общественных отношений, существовавшую в Московском государстве и закреплённую петровскими реформами. С манифестом Каменский связал появление в России «действительно свободной» социальной категории без «какой-либо формы зависимости», тогда как правовая основа дворянского сословия была дополнена актом, который «достаточно четко и недвусмысленно» формулировал его сословные привилегии. Он имел особое значение «для процесса консолидации дворянства как сословия, формирования его корпоративного и сословного самосознания». По мнению Каменского, манифест «способствовал формированию представлений о самоценности человеческой личности, о достоинстве, гражданских правах».

В качестве других социальных следствий манифеста А. Б. Каменский отметил значительное расширение пропасти между высшими и низшими слоями русского общества вследствие правового признания исключительности дворянства. Превращение крепостных крестьян в полную собственность помещиков Каменский объяснил исчезновением «зависимости права владения крепостными от государственной службы», ликвидацией последнего звена, продолжавшего «хотя бы формально связывать помещичьего крестьянина с верховной властью». На основании таких наблюдений Каменский назвал следствия манифеста «своего рода революцией, переворотом во всей системе социальных отношений Российского государства», который имел необратимый характер [Каменский А. Б. 2001. С. 309–312].

Можно установить также другие следствия манифеста о вольности дворянской. В русских землях XV–XVII вв., как и в других европейских странах, дворяне получали поместья в условное землевладение за службу своему князю, с формированием единого Русского государства — великому князю Московскому, с 1547 г. — царю. Эта служба имела комплексный характер и могла совмещать военные, административные и судебные функции. Завершённая в середине — второй половине XVII в. система крепостного права нивелировала существенные различия между поместьем — условным владением, и вотчиной — земельным владением, унаследованным или приобретённым, с правом собственника на свободное распоряжение им. Тогда же дворяне все более стали уклоняться от государевой службы и оставаться в поместьях, что отрицательно сказывалось на их грамотности и образе жизни. Манифест Петра III подчеркивал особое значение деятельности Петра Великого «единственно для благополучия и пользы отечества своего, возводя Россию к совершенному познанию как военных, гражданских, так и политических дел», т. е. к просвещённой деятельности. При этом подразумевалось, что дворяне должны вернуться на государеву службу, оправдывая полученные ими и их предками земельные владения с крестьянами. Петр III в полной мере поддерживал меры Петра Великого, который должен был «яко

главный в государстве член, *благородное дворянство приучить и показать, сколь есть велики преимущества просвещенных держав в благоденствии рода человеческого против бесчисленных народов, погруженных в глубине невежеств*; то по сему в тогдашнее же время самая крайность настояла российскому дворянству, оказывая отличные свои к ним знаки милости, *повелел вступать в военные и гражданские службы, и сверх того обучать благородное юношество не только разным свободным наукам, но и многим полезным художествам*, посылая оных в Европейские Государства, и для того ж самого учреждая и внутрь России разные училища, дабы с наивящею поспешностью достигнуть желаемого плода».

Здесь и далее приводятся иногда обширные цитаты из исторических источников, чтобы читателю стали в полной мере ясны идеи людей XVIII — первой четверти XIX в. и слова, в которых эти идеи выражены. Такой метод цитирования объясняется тем обстоятельством, что при их пересказе современными учеными и популяризаторами их смысл подчас деформируется вследствие воздействия авторских идеологических предпочтений.

От имени Петра III манифест утверждал, что цели, поставленные Петром Великим, достигнуты, поэтому вместо принудительной службы должна быть введена служба, осуществляемая новыми нравственными категориями «истинных сынов отечества» и «истинных России патриотов» наряду с петровской приверженностью к «общей пользе»: «Мы с удовольствием Нашим видим, и всяк *истинный сын отечества своего* признать должен, что последовали от того неисчетные пользы, *истреблена грубость в нерадивых о пользе общей, переменилось невежество в здравый рассудок, полезное знание и принадлежность к службе* умножило в военном деле искусных и храбрых генералов, в гражданских и политических делах вкоренили в сердцах всех *истинных России патриотов* беспредельную к нам верность и любовь, великое усердие и отменную в службе нашей ревность, а потому и не находим Мы той *необходимости в принуждении к службе*, какая до сего времени потребна была» [ПСЗ. Т. 15. № 11444; здесь и далее в цитатах курсивом выделено нами].

Просветительское содержание имели также изданные Петром III указы, имевшие существенное экономическое значение. Указ 29 марта запрещал покупать деревни с землей и без земли к фабрикам и заводам. Его значение интерпретируется как негативное для развития промышленности при отсутствии рынка рабочей силы и как установление монополии дворянства на владение крепостными [в новейшей литературе см.: Каменский А. Б. 2001. С. 312; Павленко Н. И. 2006. С. 38]. По мнению А. С. Мильникова, этот указ побуждал к более широкому использованию вольнонаемного труда [Мильников А. С. 2001. С. 190]. Разумеется, этот указ стремился создать более благоприятные условия для дворянского предпринимательства. Но он имел также положительное, либеральное содержание, поскольку побуждал фабрикантов

и владельцев заводов довольствоваться «вольными наемными по паспортам за договорную плату людьми». Он поощрял строительство ими новых фабрик и заводов [ПСЗ. Т. 15. № 11486]. Эти меры должны были способствовать увеличению числа промышленных предприятий и их новой организации на капиталистических началах, в отличие от созданного Петром Великим промышленного производства, основанного на крепостном труде посессионных крестьян. Наем свободной рабочей силы должен был способствовать росту производительности труда на фабриках и заводах. Рынка рабочей силы в России того времени, разумеется, не было. Но существовала рабочая сила лично свободных крестьян, разного рода прикрепленных к земле или к тяглу крестьян, официально отпущенных в отход, а также людей посадских или мещан.

Поддерживая предпринимательскую активность купцов, Сенат опубликовал 7 марта 1762 г. указ об отсрочке ими платежей при возвращении денег в банк с учетом их платежеспособности [ПСЗ. Т. 15. № 11462]. Дальнейшему развитию кредитных и товарно-денежных отношений должен был способствовать именной указ 25 мая Петра III Сенату об учреждении Государственного банка с использованием бумажных «банковских билетов». Для «всеобщей государственной пользы» он передавал новому банку пятимиллионный «капитал» [ПСЗ. Т. 15. № 11550]. Но этому указу не суждено было осуществиться.

Внутренняя политика Петра III являлась двойственной. Он поддерживал также интересы дворян-помещиков. Сенатский указ от 29 января «к удовольствию всех помещиков» разрешал переводить своих крепостных крестьян из одного уезда в другой, не испрашивая на то разрешения Камер-коллегии [ПСЗ. Т. 15. № 11425]. В ответ на выступления крестьян, которые надеялись на предоставление им свободы в связи с секуляризацией церковных земель, Петр III призвал крестьян к повиновению в Манифесте от 19 июня [ПСЗ. Т. 15. № 11577]. Особый сенатский указ предотвращал стремление дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских и помещичьих крестьян к улучшению своего социального и экономического положения, если они записывались в купеческое сословие без «отпускных и увольнительных от властей и помещиков писем». Указывалась причина этой меры — нарушение системы взимания с крестьян подушной подати и господского оброка [ПСЗ. Т. 15. № 11426]. Этот указ совершенствовал систему закрепощения крестьян и в то же время ограничивал возможности крестьянского предпринимательства, что отрицательно сказывалось на возможностях экономического и социального развития страны.

Петр III постарался не только улучшить состояние российского флота, вооружение кораблей и комплектование экипажей. Он отмечал необходимость лечения больных, сокращения избыточных расходов, категорически запрещал использование матросов в хозяйствах адмиралов и офицеров или на работах вне флотских специальностей. Упрощалась процедура увольне-

ния Адмиралтейской коллегией «являвшихся в пьянстве обер-офицеров и других чинов» [ПСЗ. Т. 15. № 11577, 11486].

Идеями чести и человеческого достоинства исполнен императорский именной указ 9 марта Военной коллегии. В нем утверждалось почетное предназначение военной службы. В соответствии с этим указом «справедливо и весьма нужно похвальное к сей службе ревнование умножить, а все то истребить, что имеет в себе несколько бесчестного и поносительного». Поэтому в век телесных наказаний для простого народа Петр III запретил в армии наиболее жестокие из них, унижающих достоинство воина [ПСЗ. Т. 15. № 11467].

Такие указы и манифесты указывали не только на стремление Петра III улучшить экономическое и военное состояние Российской империи, стабилизировать настроения в обществе. Они свидетельствовали о постоянном использовании просветительских идей в практике государственного руководства в краткий период его правления. Впрочем, крепостной и сословный строй России сдерживал их распространение в законодательстве, тогда как внутренняя политика имела двойственный характер.

Исследователи обоснованно отмечают, что осуществлению положительных намерений Петра III препятствовал его взбалмошный характер. Он позволял себе легкомысленное поведение во время церемоний похорон Елизаветы Петровны, при исполнении официальных обязанностей правителя великой империи и в личной жизни, был склонен к пьянству и мало предсказуем.

Дворянство и, следовательно, гвардию возмущало преклонение Петра III перед недавним противником Фридрихом II, а также его стремление реформировать российскую армию по прусскому образцу. Он не только прекратил военные действия, но и заключил мир с прусским королем, отказавшись от всех успехов, обретенных кровью россиян. Петр III окружил себя голштинцами и советовался с пруссаками. Он собирался воевать с Данией за присоединение Шлезвига к Голштинскому герцогству. Духовенство было недовольно указом о секуляризации церковных и монастырских вотчин. Возмущало отношение императора к обрядам православной Церкви, к Синоду. Его супруга Екатерина Алексеевна опасалась за свою судьбу.

Все эти причины имели следствием организацию заговора при участии Екатерины против Петра III, дворцовый переворот 28 июня 1762 г., лишение императора власти и его убийство в Ропше неделю спустя, 4 июля [Павленко Н. И. 2006. С. 34–53].

Екатерининский манифест 28 июня 1762 г., не называя по имени свергнутого императора, провозгласил защиту традиционных российских ценностей и обвинял Петра III в намерениях, разрушающих Православную церковь и Российскую империю. Первой названа угроза православию в России. Было написано также об угрозе «принятия иноземного закона», т. е.

неправославной веры. Второй причиной свержения императора указано заключение мира с Фридрихом II, тогда как «внутренние порядки, составляющие целость всего Нашего Отечества, со всем испровержены». Вследствие этих причин, объявляла Екатерина, она вступила «на престол Наш Всероссийский самодержавно», т. е. единовластно [ПСЗ. Т. 16. № 11582].

Первые екатеринские указы должны были успокоить армию и дворянство, стабилизировать экономическую и социальную ситуацию в стране. Утверждалась незыблемость крепостного права. Крестьяне, которые были возбуждены слухами об освобождении, должны были вернуться к повиновению, иначе с ними следовало «поступать по всей строгости законов». Срок возвращения беглых людей из-за границы увеличивался. Армии сообщалось, что содержание полков будет осуществляться как при Елизавете Петровне. Цена на соль уменьшалась, а постановления о торговле стали более либеральными. Было подтверждено запрещение покупать деревни к заводам и фабрикам, а указ о секуляризации церковных и монастырских земель отменялся. Указ о взяточничестве с возмущением констатировал, «до какой степени в государстве Нашем лихоимство возросло», и обещал бороться с этим бедствием [ПСЗ. Т. 16. № 11593, 11595, 11597, 11616, 11618, 11630, 11638, 11643, 11678].

В качестве самодержавной правительницы России Екатерина II короновалась в Москве 22 сентября 1762 г. Незадолго до того она провозгласила в указе 31 августа либеральный принцип юридической защиты личности: «<...> не преступать должного правосудия, а наипаче не подвергнуть невинного напасти и угнетению» [ПСЗ. Т. 16. № 11659]. После коронации она последовательно ликвидировала указом 19 октября 1762 г. Тайную розыскных дел канцелярию, повторив соответствующий указ Петра III, но не называя своего мужа, а указом 29 ноября того же года она вернулась к секуляризации церковных и монастырских земель [ПСЗ. Т. 16. № 11687, 11717].

Оба эти указа были насыщены просветительскими идеями борьбы с жестокостью и «невежеством», которым было противопоставлено «исправление нравов». Как написано в указе о секуляризации, просвещению подлежал не только «простой народ»: «<...> самые многие священники, пастырский сан на себе носящие, не токмо не ведают истинного пути к просвещению народному, но и будучи сами часто малограмотные, нередко простому народу служат собственным примером к повреждению». Основой для их «исправления» Екатерина указала написанные в «Духовном регламенте» Петра Великого «правила», «которые бы в простом нашем народе учреждением благоразумно воспитанных и обученных священников прямой путь к исправлению нравов открывали». Если в указе Петра III названо в качестве обоснования секуляризации предшествующее законодательство Елизаветы Петровны, то указ Екатерины II на эту тему отсылал к законам Петра Великого. Таким образом, уже в начале своего царствования Екатерина провозгласила себя

преемницей деяний Петра Великого. Но ее указы были дополнены идеологией умеренного направления французского просветительства, которое стремилось преобразовать действительность исправлением нравов [Павленко Н. И. 2006. С. 104–113].

Уже 29 января 1763 г. Екатерина II утвердила доклад Комиссии, созданной для описи церковных и монастырских вотчин, в связи с чем была возобновлена и активизирована деятельность Коллегии экономики [ПСЗ. Т. 16. № 11745, 11814, 11844].

Конкретным выражением гуманизации общественной жизни в России начала екатерининского царствования стало прекращение преследования раскольников, в чем была продолжена политика Петра III. Сенатским указом 14 декабря 1763 г. старообрядцам было разрешено селиться слободами не только в Сибири, но также в Воронежской, Белгородской и Казанской губерниях «на порожних же и выгодных землях, где полезнее быть может, и жить им и детям их». Этот указ не только способствовал росту веротерпимости в стране, но также активизации в ней экономической деятельности, в которую включились ранее гонимые раскольники. То же содержание имел императорский манифест 4 декабря 1762 г., позволявший иностранцам и бежавшим за границу русским людям селиться в России. В продолжение елизаветинской политики не допускалось такое переселение только евреям [ПСЗ. Т. 16. № 11725, 11720]. Подтверждая и развивая эти положения, манифест 13 мая 1763 г. разрешал возвращение в Россию всех беглых людей, включая крепостных и раскольников с их семьями. Он позволял им селиться на государственных землях, кто где пожелает, и предоставлял им льготы от податей и работ на 6 лет [ПСЗ. Т. 16. № 11815]. «Казанским служилым татарам» разрешалась торговля в «разных городах» Российской империи [ПСЗ. Т. 16. № 11856].

Утверждением свободы вероисповедания в России стал сенатский указ 9 июня 1763 г., позволявший иностранцам строить церкви в соответствии с их религией. Это екатерининское законодательство, изданное в соответствии с нормами права Петра Великого, было противопоставлено закону Елизаветы Петровны, упразднившему армянские церкви в России, кроме одной в Астрахани [ПСЗ. Т. 16. № 11853]. Для конкретизации этого положения указ 31 января 1765 г. разрешал строить католические и лютеранские церкви и колокольни в колониях приехавших в Россию иностранцев, определять в этих церквях священников и их содержание [ПСЗ. Т. 16. № 12322]. В то же время «сибирским дворянам, казакам и детям боярским» запрещалось «бессовестным образом» собирать ясак с нерусских народов в Сибири [ПСЗ. Т. 16. № 11749].

При сохранении крепостного права Екатерина II способствовала развитию экономики. Сенатский указ 18 февраля 1763 г. не только поддержал «размножение фабрик», но и создавал конкурентную среду — «дабы

не оставалось то в одних руках, чем множество желающих пользоваться могут» [ПСЗ. Т. 16. № 11761]. 31 октября 1765 г. был опубликован устав Вольного экономического общества, целью которого являлась модернизация экономической жизни в стране: «Нет удобнейшего средства к приращению во всяком государстве народного благополучия, как стараться приводить экономию в лучшее состояние, показывая надежнейшие способы, каким образом натуральные произражения с вящею пользою употребляемы и прежние недостатки поправлены быть могут» [ПСЗ. Т. 17. № 12502]. Для Екатерины эти слова были наполнены реальным содержанием. Указ 31 мая 1765 г. способствовал началу разведения в России важнейшей культуры — картофеля [ПСЗ. Т. 17. № 12406]. Об открытости Екатерины в начальный период своего правления новым идеям в жизни материальной свидетельствует добровольная и демонстративная прививка оспы в 1768 г. самой императрице и ее наследнику Павлу, что стало началом предотвращения в стране этого вида смертельно опасной болезни.

Такая внутренняя политика Екатерины провоцировала появление в простом народе слухов об облегчении его положения, прежде всего крепостного крестьянства. Как следует из указа 5 мая 1766 г., в простом люде стала распространяться челобитная, в соответствии с которой следовало имения «за тягчайшими от помещиков оброками, коих платить крестьяне не в состоянии, отписывать на Ея Императорское Величество». Это было выражение крестьянской мечты в «добрую царицу», которая защитит крестьян от «злых помещиков». Но за такую мечту наказывали в полной мере материально. Распространитель этой челобитной был найден и «нешадно наказан» [ПСЗ. Т. 17. № 12633]. В том же году в Тамбовском уезде восставшие крепостные крестьяне, поддержанные «волостными мужиками», вступили в бой с присланной на их подавление «воинской командой». Поручик этой «команды», видимо, ее командир, был убит, а 12 солдат ранено [ПСЗ. Т. 17. № 12669]. Но правительственная политика по отношению к крестьянам не смягчалась. Когда в Симбирской провинции в 1766 г. выяснилось, что помещичьи крестьяне, которые числились за Симбирской провинциальной канцелярией, податей помещику не платили, они должны были в качестве подушной подати давать государственным властям не 70 коп., а 1 руб. 70 коп., что являлось значительным налогом [ПСЗ. Т. 17. № 12685]. Сенатский указ 18 июля 1766 г. предписывал местным властям, чтобы они «рачительно взыскивали недоимки по подушному и рекрутскому сборам» [ПСЗ. Т. 17. № 12700].

Государственному принуждению было подвергнуто и дворянство. Вследствие необходимости постоянного участия дворян в гражданском управлении страны и в ее вооруженных силах екатерининским именованным указом 11 февраля 1763 г. было приостановлено действие манифеста Петра III о вольности дворянства [ПСЗ. Т. 16. № 11751].

Таким образом, в первые годы своего правления Екатерина II продолжала и развивала идеи Петра Великого, утверждала распространявшиеся с 1750-х гг. в России просветительские идеи гуманности, веротерпимости в государственном управлении и культуре. Вместе с тем она последовательно вела двойственную внутреннюю политику — консервативную в сохранении основ общественного строя и модернизирующую в стремлении сделать экономику, культуру, религиозную жизнь более соответствующими принципам современных западноевропейских держав.

Наиболее близкой для нее являлась деятельность Петра Великого, преемницей которого она себя провозгласила. Впрочем, если Петр стремился быстро искоренить «давнюю обыкность» средневековой российской действительности, то Екатерина, памятуя о легкости дворцовых переворотов и о судьбах ее предшественников на престоле, решила модернизировать уже преобразенное Петром общество постепенно. В основу ее программы действий были положены принципы умеренного современного ей просветительства. В соответствии с ними наиболее сложным являлось исправление нравственных начал общественной жизни. Видимо, наиболее конкретно эта екатерининская программа была сформулирована уже в уставе Кадетского шляхетного сухопутного корпуса, изданного именным указом 11 сентября 1765 г.: «Нет ничего труднее, как удобрить нравы и склонности целого народа. Законы особенные, воспитание и затверделые предубеждения сильно над ним *владычествуют*, как *невольником*: не знает он и не чувствует своего *порабощения*, но паче *любит оное*. Нет равномерно и ничего подлиннее, как то, что скорее и удобнее можно достигнуть сего исправления нравов способами кротости, нежели строгостию и силою» [ПСЗ. Т. 17. № 12741; курсив устава]. В этом последнем утверждении недвусмысленно указано отличие публично заявленного екатерининского принципа от петровских начал.

Наиболее последовательно конкретные принципы идеологии екатерининского правления и основы ее внутренней политики были сформулированы в «Наказе» императрицы Комиссии о сочинении проекта нового Уложения (далее — Уложенная комиссия).

В. О. Ключевский обратил внимание, что «Наказ» явился последовательным продолжением содержания и принципов указов, изданных Екатериной в первые годы ее царствования [Ключевский В. О. 1958. Т. 5. С. 351]. Исследователи отмечали отличия идей «Наказа» от концепций французских просветителей, в частности Ш. Монтескье, а также существенные расхождения их содержания с российской действительностью. В новейшей литературе А. Б. Каменский характеризовал этот труд Екатерины как программу ее преобразований. Она не только учитывала ранее изданные в ее царствование постановления, но дополняла эту программу, по словам Каменского, «задачей укрепления государственной власти на принципах самодержавия, централизма и унитаризма, являвшейся одновременно и средством выполнения

всех остальных пунктов программы». Впрочем, отметил Каменский, практика и политические обстоятельства вносили в нее коррективы, делали ее отдельные положения с трудом осуществимыми или вовсе неисполнимыми [Каменский А. Б. 2001. С. 371].

«Наказ», опубликованный 30 июля 1767 г. и предоставленный депутатам Уложенной комиссии в день торжественного начала ее работы, в частности, провозглашал: «Россия есть Европейская держава. Доказательство сему следующее. Перемены, которые в России предприял Петр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы бывшие в то время совсем не сходствовали со климатом, и принесены были к нам смешением разных народов и завоеваниями чуждых областей. Петр Первый вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал» [Чечулин Н. Д. 1907. С. 2–3].

Эти утверждения принадлежали самой Екатерине II, в отличие от ближайшего к нему текста «Наказа» с обширными заимствованиями из труда Ш. Монтескье «О духе законов» [Чечулин Н. Д. 1907. С. 2–3]. Их основное содержание, помимо мнения Монтескье о влиянии климата на нравы народа, заключалось в обобщении идей и деятельности Петра Великого, которая в уже существующей, восходящей к Петру, историографической традиции рассматривалась в едином европейском и мировом контексте. В то же время они обобщали практику первых лет царствования Екатерины II и противостояли политике относительной культурно-религиозной и экономической самоизоляции России в правление Елизаветы Петровны.

Утверждение Екатерины II «Россия есть Европейская держава» указывало всей стране на реформирующую направленность ее внутренней политики, на прогрессивное содержание ее совершенных и будущих реформ.

Этим намерениям императрицы противостояла сложнейшая в своем содержании российская действительность. «Наказы» депутатам Уложенной комиссии от дворянских, купеческих, крестьянских собраний, а также от неправославных народов России свидетельствовали о многих несправедливых дворянских требованиях, об их претензиях на исключительный статус в стране, а также об униженном положении непривилегированных сословий.

В частности, в «Наказе» симбирского дворянства предлагалось исключительное право дворян на свободное распоряжение земельными владениями, «чем отличено б было дворянство от прочих, яко то от купечества, мещанства и от однодворцев». Симбирские дворяне посягали также на петровскую «Табель о рангах», которая утверждала главным не принадлежность к дворянству, а заслуги перед Государством. Поэтому они просили императрицу: «дабы дослужившиеся из подлородных до штаб и обер-офицерских чинов правом дворянским не пользовались, а были б довольны тем, по скольку чин им приносит» [Сб. РИО. 1889. Т. 68. С. 6–7]. Это предложение подразумевало превратить дворянство в закрытое сословие.

Но такие предложения являлись умеренными в сравнении с «Наказом» дворян другой поволжской губернии, Ярославской, своему депутату князю Михаилу Михайловичу Щербатову. Они требовали пересмотра всего состава дворянского сословия. Пересмотр должен был исключить из этого «главного чина» империи тех, кто стал дворянином в соответствии с «Табелью о рангах», а также дворян-иностранцев, которые не получили императорского диплома «на достоинство Российского дворянина». В соответствии с их суждением следовало предотвратить предоставление «имени и прав дворянских» однодворцам и детям боярским. Составители ярославского «Наказа» опасались, чтобы дворянство *«не было уподлено чрез какие другие происками учиненные проихождения»*. Поэтому они приветствовали императорскую «полковничью инструкцию», «дабы дворян производить из солдат прямо в подпрапорщики и потом в сержанты и офицеры, *обходя и старших, которые не из дворян, совершенное удовольствие дворянам учинило»*.

Ярославские дворяне настаивали на исключительном дворянском праве владения деревнями и землями. Поэтому они осудили петровский указ, разрешавший «для побуждения российского купечества» покупать деревни к «купеческим» заводам и фабрикам. Они предлагали многочисленные льготы для поощрения дворянского предпринимательства, торговли, льготы сословные, а также императорскую поддержку предпринимательства и торговли помещичьих крестьян [Сб. РИО. 1869. Т. 4. С. 297–313].

М. М. Щербатов в полной мере поддержал предложения своих избирателей-дворян. Во время дискуссий в Уложенной комиссии он резюмировал эти предложения: «1) Дабы никто из разночинцев в чин и в право дворянское иначе не мог вступать как по единой монаршей власти. 2) Что дворяне по одному имени своему имеют преимущественное пред другими званиями право служить отечеству с тем, чтобы им по их службе и по преимуществам в оной определена была особая милость, соответственная достоинству сего сословия, сколько раз показавшему свое усердие к отечеству. 3) Дабы дворянин без лишения его дворянского звания не мог быть подвергнут чрез катские (т. е. палача. — М. С.) руки наказанию <...>. 4) Поелику же дворянство, как выше неоднократно я имел случай упомянуть, от чести происходит и честью держится, то и непристойная брань и ругание дворянина должны быть запрещены законом. 5) Право владения деревнями, обязывая дворянина собственною его пользою к службе отечеству, есть первый способ содержать себя во всех местах, куда отечество заблагорассудит его употребить. Вместе с тем, нахожу полезным предоставить одному этому сословию право употреблять и продавать свои домашние произведения, так и другие, о которых считаю излишним здесь упоминать, предавая все сие на рассмотрение почтеннейшего собрания» [Сб. РИО. 1869. Т. 4. С. 152–153].

В требованиях поволжского дворянства выразилась крайняя по содержанию консервативная тенденция в коллективных представлениях дворянского

сословия, что способствовало формированию консервативных кодов в сознании дворян, в данном случае поволжских.

В Уложенной комиссии редко, но звучали выступления с критикой идеализации дворян и их претензий на особый статус закрытого сословия. В частности, сторонник французских просветителей, «Энциклопедии» Д. Дидро и д'Аламбера Яков Павлович Козельский заявил, что все древние дворянские фамилии произошли от «низких родов», а ныне дворяне не желают включить в состав своего сословия «людей, того достойных».

Против таких суждений решительно выступил князь М.М. Щербатов. В обоснование своей общественной позиции и в нарушение петровской Табели о рангах, дававшей право включать недворян в дворянское сословие после достижения ими определенного чина, он стал утверждать особую знатность этого сословия, объединив дворянство и княжескую аристократию. В обоснование особой знатности и древности дворянского сословия Щербатов обратился к историческому экскурсу. Он целенаправленно и ошибочно отнес к дворянам потомков Рюрика и князя Владимира Святославича, потомков правителей других стран, служивших «великим князьям Российским». Он напомнил об «услугах», которые знатные люди «древних фамилий» оказали России в ее историческом прошлом и в Новое время. Исключительно к их заслугам он отнес ее освобождение «от чуждого ига», имея в виду иго ордынское. На этом основании Щербатов излагал «первое требование дворян древних родов» — «чтобы никто с ними без высочайшей власти не был сравнен». Как сообщалось в записи об этом выступлении Щербатова, «сию речь» «говорил он и окончил с крайним движением духа, что по произношению его голоса приметить было можно» [Сб. РИО. 1869. Т. 4. С. 192–193].

В таких выступлениях Я.П. Козельского и М.М. Щербатова выразилось прямое воздействие общественно-политической позиции на их интерпретацию истории российского дворянского сословия. При этом Козельский был в полной мере прав, когда говорил о происхождении «древних дворян» от «низких родов». Как свидетельствуют последующие исследования, русские дворяне отмечают в исторических источниках с последней четверти XII в. Само слово *дворяне* стало обобщающим названием членов младшей дружины и слуг княжеского двора. Поэтому они назывались также *слуги* и *слуги дворные*. Обязанности дворян до XV в. совмещали военные функции, княжеские административно-судебные поручения, а также престижное обслуживание княжеского двора [Свердлов М.Б. 2003. С. 593–596; см. там же литературу вопроса].

Симбирские однодворцы, некогда происходившие из государевых служилых людей, напротив, настаивали на своей принадлежности к дворянам, тем более что многие их родственники дослужились до необходимых для этого чинов штаб- и обер-офицеров.

Симбирские и сызранские «ясашные крестьяне», кроме многих других бед, жаловались на то, что «помещиками и их крестьянами мы весьма обижены

тем, что они крепостными нашими пашенными землями и сенными покосами, и лесными угодьями, многим числом, усиленно владеют, а по прозбам нашим в том на них или в ином в чем успеху и удовольствия никакого не имеем и остаемся без всякого удовольствия». Завершалась эта жалоба описанием их бедственного положения [Сб. РИО. 1903. Т. 115. С. 197, 304–357].

Обсуждение экономических, социальных, политических и правовых проблем в Уложенной комиссии показало, что в России этого времени признавали сословия с разными интересами в их решении. Оно свидетельствовало о существовании не только консервативных дворянских тенденций, но также устремлений активного просвещенного общества к справедливым отношениям, свойственным Новому времени. В качестве факторов, создававших такое общество и его инициативы, П. Н. Берков отметил в Москве университетское и гимназическое образование, участие студентов в журналах, университетских и частных, в любительском театре при университете, посещение публичной библиотеки при университете, но, главное, товарищескую атмосферу в отношениях между учащимися [Берков П. Н. 1976. С. 6]. В новейшей иностранной литературе велась дискуссия по вопросу о существовании в России XVIII в. «публики» или «хорошего общества». В полемике со своими коллегами Д. Смит пришел к обоснованному выводу, дополнившему наблюдения В. П. Беркова: такой слой внесословного, но по преимуществу дворянского общества в России данного периода существовал. Он состоял из представителей разных социальных групп, включая интеллектуалов-недворян. Формировали единство «публики» рынок печатной продукции, появление новых форм общения вне служебных и домашних связей — театры, салоны, клубы, литературные кружки и научные общества. В царствование Екатерины эти процессы, свойственные Петербургу и Москве, распространились на другие российские города [Смит Д. 2006. С. 56–62].

В таких общественно-политических обстоятельствах «правительство» во главе с монархом должно было регулировать и соотносить множественные интересы разных социальных групп при соблюдении преимуществ привилегированных сословий, прежде всего дворянства.

Таким образом, в России витали свойственные эпохе Просвещения идеи Екатерины II, проводились ее реформы, совмещенные с ее же консервативной практикой. Дворянство требовало исключительных экономических, социальных и политических привилегий, в то же время все прочие слои населения находились в бедственном положении. В противостоянии интересов представителей разных сословий в Уложенной комиссии объективность исторического знания становилась жертвой аристократической общественной и политической интерпретации. Но все это разномыслие оказалось в дискурсе провозглашенного Екатериной II главного идейного направления: «Россия есть Европейская держава». В России уже сформировалось «образованное общество», которое это направление поддержало.

Глава I

Императрица как историк: Екатерина II

1. Просветительские идеи исторической концепции Екатерины II

Императрица была чрезвычайно уязвлена, когда в 1768 г. в Париже астроном аббат Шапп д'Отрош опубликовал отчет о путешествии в Сибирь для наблюдения над прохождением Венеры через диск Солнца. Впрочем, этот отчет содержал и земные наблюдения, критические по отношению к тому, что видел ученый аббат в России во время пребывания там с февраля 1761 г. до весны 1762 г.

Шапп д'Отрош включил в свой труд также очерки с историческими экскурсами. Излагая в них российские события исторические и современные, он характеризовал их в соответствии с просветительскими идеями противопоставления цивилизации и варварства. Поэтому то, что не соответствовало свойственным Шаппу представлениям, включая новое для него или не понятное, им осуждалось. К тому же он учитывал исторические и современные сведения о России, заимствованные, в частности, из «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера.

В литературе, посвященной сочинению Шаппа д'Отроша, одни авторы отмечали его недостатки, тогда как другие (М. П. Алексеев, А. И. Молок, М. Т. Белявский) — его антикрепостническое содержание, критику современной российской действительности [историографические обзоры см.: *Элькина И. М.* 1973. С. 71–81; 1974. С. 4–6; *Шанский Д. Н.* 1981. С. 49; 1983. С. 27–28]. Из очерков Шаппа д'Отроша следовало, что истории России свойственно самодержавное деспотическое правление, жестокое рабство крестьян, государевых и помещичьих. Критически изложил он состояние Русской церкви, практику местного провинциального управления, царские и народные обычаи и быт, правосудие, судебные и внесудебные наказания людей знатных и простых. Критический очерк Шапп д'Отрош посвятил российскому населению, торговле, мореходству, государственному бюджету, армии и флоту. Написал он также о некоторых народах России по собственным наблюдениям, учитывая труд Ф. И. Страленберга «Северная и восточная часть Европы и Азии, поскольку таковая охватывает все Русское государство с Сибирью и Великую Татарию, представленная в историко-географическом описании